

ДМИТРИЙ БОВЫКИН • АЛЕКСАНДР ЧУДИНОВ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2020

УДК 94(44)"1789/99"
ББК 63.3(44)521.1
Б72

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 18-18-00226.
Государственный академический университет
гуманитарных наук.

Главный редактор серии Ивар МаксUTOB
Редактор Андрей Захаров

Бовыкин Д. Ю.
Б72 Французская революция / Дмитрий Бовыкин, Александр Чудинов. — М. : Альпина нон-фикшн : ПостНаука, 2020. — 468 с. : ил. — (Серия «Библиотека ПостНауки»).

ISBN 978-5-91671-975-8

Французская революция XVIII века уникальна тем, что ее опыт востребован и актуален вот уже более двух столетий. Она — точка отсчета и матрица для всех последующих революций, участники которых равнялись на нее, подражая ей или пытаясь ее превзойти. Неудивительно, что и в наши дни историки и социологи видят в ней идеальную модель для изучения динамики революций в целом и выявления их общих закономерностей, обращаются к ее опыту вновь и вновь, пытаются понять, как происходят и как развиваются революции. Жившие два с лишним века тому назад люди в напудренных париках и камзолах были не так далеки от нас, как это может показаться на первый взгляд...

УДК 94(44)"1789/99"
ББК 63.3(44)521.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alпина.ru

ISBN 978-5-91671-131-8 (Библиотека «ПостНауки»)
ISBN 978-5-91671-975-8 (Альпина нон-фикшн)
ISBN 978-5-6044729-0-3 (ПостНаука)

© Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В., 2020
© Ассоциация «ИД «ПостНаука», 2020
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1 Причины.....	11
Глава 2 Предреволюция.....	27
Глава 3 Учредительное собрание	48
Глава 4 Конец монархии.....	99
Глава 5 Жирондисты и монтаньяры.....	132
Глава 6 Диктатура монтаньяров	183
Глава 7 Термидор	228
Глава 8 Революция продолжается	289
Глава 9 Крах режима Директории	348
Глава 10 Наследие Французской революции.....	415
Заключение	459
Список литературы	463

ВВЕДЕНИЕ

То, что вчера еще было жизнью, сегодня уже история, а завтра — легенда. Легенды занимают, развлекают, пугают или восхищают, но их герои неминуемо бесплотны как абстрактные образы и зачастую лишены реальных черт живых людей — людей, которым мы могли бы сочувствовать и сопереживать. Что значат для нас сегодня, скажем, легендарные триста спартанцев? Пожалуй, лишь абстрактное олицетворение идеи самопожертвования. Но как люди — каждый единственный и неповторимый, — ходившие по этой земле, любившие, страдавшие и до срока расставшиеся с жизнью в расцвете лет, они для нас сейчас, увы, не более реальны, чем герои античных мифов Геракл или Тезей. Таковы, хотим мы того или нет, законы коллективной памяти человечества. Большинству событий прошлого и участникам их уготована именно такая судьба. Большинству, но не всем. Есть события, которые упорно сопротивляются переходу в область легенд и сохраняют злободневность для разных поколений, каждое из которых тем или иным образом вновь и вновь переживает их в воображении или в реальности, а их действующих лиц воспринимает едва ли не как своих современников. К таким немногочисленным, но вечно актуальным событиям мировой истории относится Французская революция XVIII века.

В мае 1976 года знаменитый советский историк Альберт Захарович Манфред, выступая на международном коллоквиуме, размышлял над удивительным феноменом непреходящей актуальности опыта этой Революции. Умудренный долгой жизнью человек, видевший две мировые и гражданскую войны, побывавший и в сталинской тюрьме, и на вершинах научной славы, он многие годы посвятил изучению Французской революции. И в его словах

звучало нескрываемое изумление и восхищение от того, что дела столь давно минувших дней по-прежнему живо волнуют его современников, вызывая их острые дискуссии, будто все произошло только вчера: «Казалось бы, о чем еще спорить? Что еще изучать? Страсти, когда-то волновавшие и разделявшие участников революционных событий, а позже их сторонников и противников, давным-давно перегорели и остыли; от них остался лишь пепел. За минувшие два столетия мир подвергся таким величайшим изменениям во всех сферах, что ныне время двуконных почтовых дилижансов, гусиных перьев и измеряемого мощью голоса ораторского дара Мирабо представляется нам — людям конца XX века — почти такой же седой стариной, как далекие эпохи античной Греции или Древнего Рима». Тем не менее, констатировал ученый, история Французской революции все еще не стала сугубо академическим предметом, свободным от злободневности.

Со времени того выступления прошло без малого полвека. Нам, живущим в эпоху интернета, искусственного интеллекта, мобильной связи и персональных компьютеров, 70-е годы XX столетия сегодня тоже кажутся глубокой древностью, когда люди по вечерам смотрели черно-белые пузатые телевизоры, звонили за две копейки из стоявших на улице телефонных автоматов, а ламповые ЭВМ, мигая и щелкая, играли в шахматы на уровне перворазрядника. Однако и для нынешних поколений Французская революция остается столь же актуальной, как и для тех, кто жил за пятьдесят, сто и сто пятьдесят лет до нас.

Достаточно посетить любую протестную манифестацию в сегодняшней Франции, чтобы своими глазами увидеть, сколь широко востребованы там образы, символы и лозунги Французской революции. В колоннах демонстрантов красные фригийские колпаки якобинцев нередко соседствуют с белоснежными вандейскими знаменами, на которых кроваво алеет Святое Сердце Иисуса. Сравнение незадачливых правителей с Людовиком XVI давно стало общим местом, а чучело президента Пятой республики недавно даже гильотинировали — в предостережение, чтобы не упорствовал в своей непопулярной политике. Для перечисления других примеров заимствований образов и символов Франции конца

Людовик XVI. Гравюра Э. Тома с портрета работы А. Руссо

XVIII столетия самыми разными странами, переживающими в наши дни радикальные перемены, не хватит и книги.

Однако столь устойчивая востребованность опыта Французской революции в последующие два с лишним века не должна удивлять: из ее колыбели вышло все современное западное общество. Да и остальной мир в той или иной степени до сих пор продолжает испытывать ее влияние. Взять хотя бы привычную метрическую систему мер — ее нам подарила именно Французская революция. Она же породила такие основополагающие политические понятия наших дней, как «конституция» и «права человека», «левые» и «правые», «всеобщее избирательное право», «политика террора», — из-за этого ее нередко называют матерью политической культуры современности. А еще в ходе Французской революции пресса впервые выступила в качестве «четвертой

власти», социальные же сети — да-да социальные сети! — показали себя эффективным средством политической мобилизации. Эти люди в напудренных париках и камзолах на самом деле были не так далеки от нас, как может показаться на первый взгляд...

И наконец, благодаря именно этому событию в международном лексиконе закрепилось само понятие «революция», используемое ныне для обозначения радикальной смены политического и общественного строя неправовым путем. До того понятие «революция» использовалось в самом широком, почти беспредельном смысле, включая в себя не только ниспровержение правительств, но и смену династий, дворцовые перевороты и даже вращение светил.

Более того, Французская революция стала своего рода точкой отсчета и матрицей для всех последующих революций, участники которых непременно равнялись на нее, самую первую, подражая ей, либо пытаясь ее превзойти. Неудивительно, что историки и социологи видят во французских событиях конца XVIII века идеальную модель для изучения динамики революций в целом и выводят из исследования ее конкретных фактов общие закономерности, проявляющиеся во всех остальных социальных потрясениях подобного рода.

История Французской революции на самом деле о нас, о возникновении современного общества со всеми его достоинствами и недостатками. Прошлое посылает нам сигналы, которые нужно услышать и разобрать, чтобы лучше понять настоящее. Но именно в случае с Французской революцией сделать это крайне трудно из-за сопутствующих фоновых «шумов». На протяжении большей части из двух с лишним столетий, что прошли после этой революции, ее история активно мифологизировалась в политических целях. Да, собственно, они и породили ее историографию в 20-е годы XIX века. В то время люди, пережившие Французскую революцию, хранили о ней самые тягостные воспоминания: она ассоциировалась у них с лишениями, террором и войной. Однако следующее за ними новое поколение не имело личного опыта жизни в эпоху перемен. Чтобы обеспечить поддержку «принципам 1789 года» со стороны молодежи, либеральные историки

эпохи Реставрации, очень талантливые и тоже молодые, сконструировали апологетический образ Революции, который должен был вытеснить негативные воспоминания о ней из исторической памяти нации. Это им удалось. Их интерпретация определила видение Французской революции более чем на полтора столетия.

В России же XIX века апологетика Французской революции и вовсе приобрела среди либеральной интеллигенции такой масштаб, что превратилась, говоря словами русского писателя и революционера Александра Ивановича Герцена, в настоящий культ. Во французских событиях оппозиционно настроенные российские интеллектуалы хотели видеть предсказание будущего своей страны. Этот квазирелигиозный культ проявился и в том, что только в России — и больше нигде, даже во Франции! — Революцию XVIII века стали называть Великой. Формулировка оказалась настолько живой, что и сегодня у нас в стране слабо знакомые с исторической литературой люди все еще оперируют причудливым словосочетанием «Великая французская революция».

Только во второй половине XX века английские и французские историки «критического» направления показали мифическую основу апологетической трактовки Революции. На то, чтобы научное знание смогло потеснить (но, увы, не вытеснить!) миф, ушло еще несколько десятилетий. В результате новейших изысканий, проводившихся учеными из разных стран, мы имеем сегодня совершенно иное видение Французской революции, чем то, что предлагалось ее классическими историями XIX–XX веков. И если те до сих пор сохраняют свою привлекательность в качестве шедевров изящной словесности, то свое былое значение в качестве исторических трудов они уже во многом утратили.

Авторы этой книги, опираясь на собственные исследования и на знание современной научной литературы, постараются познакомить читателя с той картиной Французской революции, какой она сегодня видится изучающим эту тему историкам.

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ

«КЛАССИЧЕСКАЯ» ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Почему произошла Французская революция? Для тех, кто изучает ее, — это вопрос вопросов, как, впрочем, и производные от него: была ли Революция неизбежна? Была ли она необходима?

Существовавшая с XIX века «классическая» трактовка Французской революции объясняла, что та была неизбежна и необходима для ликвидации Старого порядка. Он, мол, находился в глубоком кризисе, реформированию не подлежал и только мешал дальнейшему развитию страны. В XX веке доминирующее положение в освещении истории Французской революции заняли исследователи, разделявшие философские воззрения немецкого мыслителя и революционера Карла Маркса. Они считали стержнем мировой истории процесс последовательного чередования общественно-экономических формаций, которые сменяют одна другую посредством социальных революций. Когда та или иная формация утрачивает свою прогрессивность и становится тормозом для развития человечества, происходит революция, в результате которой на смену старой формации приходит новая. Так будет до тех пор, пока не утвердится формация коммунистическая, а с нею не наступит и конец истории. Позаимствовав у французских либеральных историков эпохи Реставрации их «классическую» трактовку Революции XVIII века и дополнив ее, марксисты объявили

эту революцию буржуазной, то есть такой, в результате которой капиталистическая формация сменила феодальную. Разумеется, при подобном объяснении уже не только Французская, но и все остальные революции в мировой истории оказывались необходимыми и неизбежными. Такую трактовку событий во Франции исповедовала на протяжении всего прошлого столетия мировая «классическая» историография, и в частности советская историческая наука. Да и сейчас у подобной интерпретации еще хватает приверженцев среди французских историков левых взглядов.

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Если в СССР никакая иная точка зрения на революции, кроме «классической», не допускалась, в других странах все же существовали историки не только «классического» направления, но и сторонники иных методологических подходов. Проводившееся во второй половине XX века изучение экономической истории Франции такими исследователями убедительно показало, что говорить о системном кризисе общества Старого порядка нет никаких оснований.

Франция XVIII века была богатой, быстро развивавшейся страной с мощной экономикой, которая с 1720-х по 1780-е годы переживала продолжительный и устойчивый рост. Особенно быстро развивались сектора, связанные с колониальной торговлей. Сотни французских судов курсировали в «атлантическом треугольнике»: из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, а оттуда возвращались в Европу, груженные сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях близ морских портов, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности. В этом секторе экономики еще задолго до Революции шел бурный рост капиталистических отношений, предполагавших

использование наемного труда для получения прибавочной стоимости.

По общему объему атлантической торговли, выросшему за этот период в четыре раза, Франция вышла на второе место в мире после Англии. Причем разрыв между двумя странами быстро сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. К середине XVIII века французы уже практически догнали своего конкурента, но обойти его им помешала политика. В результате неудачной для себя Семилетней войны 1756–1763 годов Франция потеряла колонии в Северной Америке, Индии и Африке, сохранив лишь несколько островов в Вест-Индии. Тем не менее, интенсивно развивая хозяйство в оставшихся у нее заморских владениях, она вновь принялась наращивать темпы колониальной торговли и к концу 1780-х годов опять уже почти настигла Англию. Полностью догнать и перегнать своего постоянного конкурента французам не позволила их собственная Революция.

Больших успехов в XVIII веке добилась и тяжелая промышленность Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 1780-е годы более 50% металлургических предприятий в стране принадлежали дворянам, более 9% — церкви. Именно в этот период дворянская семья Вандель основала знаменитый металлургический завод в Крезе. Там в 1787 году произошла первая во Франции плавка чугуна с использованием кокса. В 1780-е годы началось применение и первых паровых машин. Столь высокий уровень технологического развития в тот момент имели только Англия и Франция, далеко обогнавшие все остальные страны Старого и Нового Света.

Впрочем, при всей важности торговли и промышленности главной отраслью экономики во Франции того времени оставалось аграрное производство. Известно, сколь медленно проникают обычно в эту сферу технологические новшества. Столь медленно, что, по словам замечательного французского историка Жака Ле Гоффа, сельский мир Европы вплоть до XIX столетия можно считать пребывавшим в «долгом Средневековье». Тем не менее во Франции Старого порядка и в сельском хозяйстве наблюдался

значительный прогресс. Просветительские сельскохозяйственные общества при активной поддержке властей вели активную пропаганду новейших методов агрикультуры. Со временем их усилия стали приносить обильные плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно осваивались крестьянами, находя все более широкое применение. Особенно же восприимчивыми к новшествам оказались ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода матрицей капитализма. В целом рост валового продукта сельского хозяйства с 1709-го по 1780 год составил до 40%. Интенсивное строительство государством дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Об экономическом процветании страны свидетельствует и пришедшийся на XVIII век настоящий демографический бум. Со своими почти 30 млн жителей Франция стала самой густонаселенной страной Западной Европы, а в целом по континенту занимала второе место, лишь немногим уступая России. Из-за бурного роста населения историки иногда называют Францию того времени «европейским Китаем». Именно за счет своих богатых человеческих ресурсов она и смогла в период Революционных и Наполеоновских войн сражаться без малого четверть века фактически против всей Европы.

БЕДНОЕ ГОСУДАРСТВО В БОГАТОЙ СТРАНЕ

У столь богатой страны, какой была Франция в XVIII веке, имелась одна большая проблема — относительная бедность государства. Правда, такая проблема стояла не только перед ней, но и перед другими абсолютными монархиями Европы. Происшедшая в XV–XVI веках «военная революция», вызванная распространением огнестрельного оружия и, соответственно, новых способов ведения боевых действий, вынудила государства обзавестись постоянными профессиональными армиями. Это было дорогое удовольствие. Пришлось ввести постоянные налоги и создать

централизованный аппарат управления, который мог бы обеспечить регулярное поступление средств в казну. Необходимость в новом, принципиально более высоком уровне концентрации власти, собственно, и породила такой тип государства, как европейские абсолютные монархии раннего Нового времени. Те страны, которые не смогли перестроиться, просто прекратили свое существование, как, например, Речь Посполитая, разделенная между соседними державами. Но удовлетворять эти возросшие финансовые потребности государства должна была старая, унаследованная еще от Средневековья система сбора налогов. Она же с этой задачей должным образом не справлялась: организм вырос, а кровеносная система осталась прежней. Отсюда и парадокс существования бедного государства в богатой стране, и постоянный дефицит средств у всех абсолютных монархий Старого порядка.

Главным недостатком фискальной системы Франции было непропорциональное распределение налогового бремени. Население страны делилось на три сословия: первое — духовенство, второе — дворянство, третье — все остальные. Первые два имели существенные налоговые привилегии. Это, впрочем, не значит, что они совсем ничего не платили. Дворяне, как и все представители третьего сословия (ротюрье), выплачивали подушный налог и косвенные налоги, а духовенство ежегодно вносило в казну огромную сумму — «дар» церкви. Однако поземельный налог (талья), являвшийся основным источником государственных доходов, не выплачивался с дворянских и церковных земель. Серьезным недостатком тальи было то, что при покупке дворянином крестьянской земли приобретенный участок также освобождался от ее уплаты. А поскольку расширение подобным способом дворянских владений носило в XVII–XVIII веках массовый характер, база налогообложения сокращалась, что отягощало налоговое бремя для тех, кто привилегий не имел.

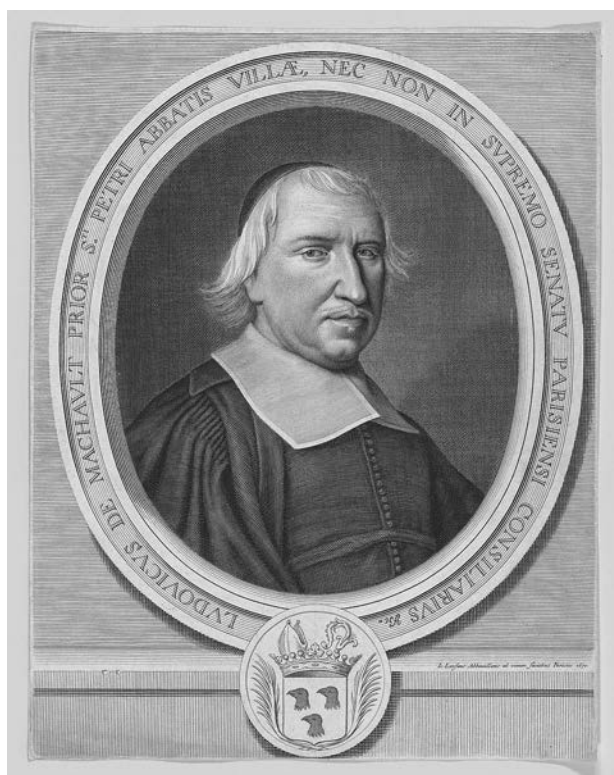
Помимо сословных привилегий, избавлявших от уплаты этого налога, серьезным недостатком французской фискальной системы было и то, что за долгую историю существования тальи монархи даровали и продали слишком много частных освобождений от нее. Особенно активно это делалось в периоды гражданских

смут XVI–XVII веков, когда короли, чтобы привлечь на свою сторону тот или иной город, могли освободить его от тали навечно. В результате подобного сокращения налогооблагаемой базы увеличилось бремя, лежавшее на оставшихся плательщиках, ибо общая сумма налога при таких изъятиях не сокращалась.

ПОПЫТКА РЕФОРМЫ МАШО Д'АРНУВИЛЯ

С похожими проблемами сталкивались государи и в других абсолютных монархиях Европы, причем каждый решал их по-своему. Например, императрица Мария-Терезия в своем государстве австрийских Габсбургов воспользовалась ситуацией, сложившейся после войны за Австрийское наследство 1740–1748 годов. Австрийцы тогда потеряли Силезию и готовы были на любые жертвы ради ее возвращения — на волне таких настроений императрица и провела реформу налоговой системы, фактически отменив фискальный иммунитет привилегированных сословий.

К той же цели стремились в XVIII веке и министры французских королей. В мае 1749 года министр Людовика XV Жан-Батист де Машо д'Арнувиль, умный и жесткий администратор, отменил *десятину* — временный прямой налог на доходы, действовавший во время войны за Австрийское наследство. Вместо него Машо убедил короля ввести налог размером поменьше, но зато постоянный — *двадцатину*, которая должна была идти на погашение государственного долга. В преамбуле соответствующего закона особо подчеркивалось, что налог носит всесословный характер: «Ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение его между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров доходов». Основная тяжесть *двадцатины* ложилась на имущие слои, так как обложению подлежали лишь доходы от земельной собственности, торговли, промышленности, движимого имущества и должностей, но не заработная плата наемных работников. Неудивительно, что реформы Машо вызвали ожесточенное сопротивление привилегированных сословий.

Жан-Батист де Машо д'Арнувиль. Гравюра с портрета кисти Ж. Ланфана

Главной ударной силой аристократической оппозиции выступили высшие судебные органы, называвшиеся во Франции того времени суверенными судами. В число таковых входили 13 парламентов и 4 аналогичных им по своим полномочиям верховных суда, 15 счетных палат и 10 палат косвенных сборов. Места в таких судах покупались у государства за немалые суммы, и сняты человека с должности можно было, только вернув ему уплаченные за нее деньги. Поскольку число советников в каждом из подобных органов превышало несколько сотен, а свободных средств в казне никогда не было, эта судебская аристократия — дворянство мантии — вела себя достаточно независимо по отношению к монарху. Особенно это касалось парламентов, считавшихся своего рода

вершиной судебной пирамиды и часто конфликтовавших с министрами. В середине XVII века они даже развязали гражданскую войну против правительства, известную как Фронда.

В обычной же практике, для того чтобы помешать каким-либо министерским мерам, судебские пользовались своим правом на регистрацию нормативных актов. Согласно традиционному порядку, любой такой акт вступал в действие на той или иной территории только после того, как регистрировался парламентом, в округ которого эта территория входила. Если же парламент считал, что документ не соответствует «конституции королевства», то возвращал его обратно с письменным мотивированным протестом (ремонастрацией). Поскольку под конституцией королевства понимали некую совокупность норм обычного (неписаного) права, хранителем которой традиционно считались все те же парламенты, фактически судебские имели возможность опротестовать при желании любое решение правительства.

Конечно, король мог прибегнуть к крайнему средству — лично прийти на заседание Парижского парламента, самого влиятельного в стране, и в присутствии монарха закон подлежал регистрации без прений. В провинциальных парламентах тем же правом обладали представители короля — интенданты. Однако судебские могли внесением поправок в уже зарегистрированный документ или принятием инструкций по его применению фактически утопить тот в бесконечной волоките. И король ничего не мог с этим поделать. Власть абсолютного монарха во Франции на деле отнюдь не была абсолютной.

В случае с реформами Машо оппозиция парламентов получила поддержку со стороны церкви, которой тоже не хотелось лишаться иммунитета от налогов. После трех лет препирательств правительство вынуждено было пойти на уступки духовенству и в 1751 году подтвердило его привилегии в налоговой сфере. Таким образом, хотя Машо все же добился введения *двадцатины*, его успех был во многом обесценен тем, что налог лишился своего принципиального преимущества — всеословности. В 1754 году король под давлением оппозиции и вовсе отстранил Машо от руководства финансами, после чего этот налог, задуманный как принципиально

новый и справедливый, был дополнен всевозможными изъятиями для привилегированных, что во многом лишило его изначального смысла.

«РЕВОЛЮЦИЯ МОПУ»

Не считая более Революцию неизбежной и predetermined, историки сегодня тщательно анализируют путь, которым Франция пришла к ней, обращая особое внимание на те «развилки», где страна могла выбрать иную дорогу и тем самым избежать ожидавших ее страшных потрясений. Одной из таких важнейших «развилкок» считается судебная реформа, проведенная канцлером Рене Николя де Мопу в 1770–1774 годах.

Устав от бесплодных попыток преодолеть обычным путем упорное сопротивление парламентов и провести перераспределение налогового бремени, Людовик XV и его министры решили устранить сам корень проблемы — ликвидировать парламенты. Возглавлявший французскую юстицию канцлер Мопу в глубоком секрете подготовил и в 1770 году стремительно осуществил реформу по замене этих опостылевших короне учреждений новыми судами, члены которых получали свои должности посредством назначения, а не покупки. Вместо существовавшей в парламентах практики поборов с участников процессов новые судьи должны были получать постоянное жалование. Реформа Мопу, или, как ее называли за радикальность, «революция Мопу», считается образцовой по четкости и скорости проведения. Одним ударом прежняя судейская аристократия была лишена прежних полномочий. Ей не оставалось ничего иного, как исходить желчью, чем она и занялась, развернув ожесточенную памфлетную кампанию против правительства. Но у короля и министров хватило выдержки не реагировать на волну пасквилей, поднятую бывшими советниками парламентов, и она постепенно стала сходить на нет. Реформа Мопу избавила центральную власть от наиболее сильного противника любых нововведений. Ожидалось, что теперь необходимые налоговые реформы пройдут беспрепятственно, так как главная

Рене Николя де Мопу. Гравюра XVIII в.

препона с их пути устранена, но... 10 мая 1774 года Людовик XV скоропостижно скончался от оспы.

Взошедший на трон внук покойного короля, 20-летний Людовик XVI не имел ни малейшего представления о том, как вести государственные дела, поскольку дед его к ним не допускал. Однако молодому королю очень хотелось заслужить любовь подданных, а потому, прослышав, что канцлера Мопу и его реформу очень ругают, он немедленно эту реформу отменил, а канцлера отправил в отставку. Тому ничего не оставалось, как заметить: «Я выиграл для короля процесс, продолжавшийся триста лет. Но если он хочет его проиграть, это его право». Одним росчерком пера юный монарх вернул на политическую арену самого опасного и могущественного противника модернизации государственного строя.

ЦЕНА НЕЗАВИСИМОСТИ США

Очень скоро Людовику пришлось пожалеть о своем безрассудном альтруизме. В последующие полтора десятилетия его министры Анн Робер Жак Тюрго, Шарль-Александр де Калонн и Этьен-Шарль Ломени де Бриенн с большей или меньшей степенью радикальности пытались обновить финансовую систему и ликвидировать налоговые привилегии двух первых сословий. Однако все их попытки модернизировать фискальную политику государства наталкивались на упорное сопротивление привилегированных сословий, которое возглавляли восстановленные королем парламенты.

Между тем к концу 80-х годов XVIII века ситуация в сфере государственных финансов из хронически трудной превратилась в критическую. И причиной тому была вовсе не чрезмерная роскошь нарядов королевы Марии-Антуанетты, в чем пытались убедить публику многочисленные пасквилы, инспирированные аристократической оппозицией, а серьезные деформации в кредитной политике, допущенные швейцарским банкиром Жаком Неккером, которому в 1777–1781 годах было доверено руководство французскими финансами. В эти годы Французское королевство участвовало в войне против Великобритании на стороне ее североамериканских колоний, боровшихся за свою независимость. Для покрытия военных расходов, которые достигли гигантской цифры в 1 млрд ливров, Неккер использовал принципиально новую, не применявшуюся до него в столь широком масштабе схему. Чувствительный, пожалуй, как никто другой из министров, к реакции общественного мнения, он старался изыскивать средства на ведение войны, не повышая налогов — исключительно за счет займов. Новизна его курса состояла в том, что главными кредиторами государства, в отличие от предшествующих периодов, были не французские финансисты, а швейцарские и голландские банкиры. Столь радикальное изменение основных источников кредитования имело для французской монархии далеко идущие негативные последствия. Раньше — в 1601–1602, 1605–1607, 1623, 1661 и 1716 годах — традиционным способом

преодоления послевоенных финансовых трудностей для Франции было так называемое «выжимание губок», то есть расследование совершенных финансистами злоупотреблений и последующая конфискация части неправомерно нажитых ими средств, что всякий раз позволяло существенно снизить государственный долг. Но теперь подобные методы оказались неприменимы, поскольку кредиторами были в основном иностранцы. И хотя за время своего министерства Неккер приобрел таким образом репутацию человека, способного доставать деньги из воздуха, он оставил своим преемникам гигантский государственный долг, поставивший страну на грань банкротства. В 1787 году на обслуживание этого долга шло до 50% всего бюджета. Для сравнения заметим, что военные расходы забирали 26%, а затраты на содержание двора — любимая тема оппозиционной печати — вместе с пенсиями (в том числе ветеранам) составляли лишь 8%.

В подобной ситуации альтернативы финансовой реформе уже не оставалось. Но такая реформа по-прежнему наталкивалась на ожесточенное сопротивление со стороны прежних элит, не желавших расставаться с привилегиями. Более того, к концу 1780-х годов экономическая ситуация в стране осложнилась в силу ряда факторов — как долгосрочных, так и ситуативных.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС

В функционировании экономики Старого порядка существовала объективная цикличность: многолетние периоды роста сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодной для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их экономической деятельности. Вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII века цены на зерно постепенно росли, с чем в немалой степени и был связан отмеченный

выше рост французской экономики. В 1776 году эта фаза цикла закончилась, и цены на зерно пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Дабы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение экспорта. В 1786 году оно заключило торговый договор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 году был разрешен свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Однако в том же году началась русско-турецкая война, и путь из Франции в Россию через Черное море оказался заблокированным. На Балтике же французы не могли конкурировать с давно обосновавшимися там англичанами и голландцами. Остальные из перечисленных мер, в принципе вполне логичных, на практике не только не улучшили ситуацию, но, напротив, еще больше ее обострили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Между тем лето 1788 года выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до четверти урожая. Цены на внутренних рынках подскочили. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили на себе его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили французский рынок более дешевой продукцией, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок, у них возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 году сбор шелка-сырца из-за неблагоприятных погодных условий оказался крайне низким, что поставило в сложное положение шелкоткацкую отрасль. Неурожай 1788 года спровоцировал массовый забой овец

и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Все это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Ни один из названных факторов не являлся беспрецедентным для французской истории. И в предшествующие периоды негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место. Но уникальность ситуации 1780-х годов состояла в том, что на сей раз все эти факторы совпали, наложившись друг на друга, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым. В итоге королевскому правительству приходилось продавливать финансовые реформы в крайне сложных экономических условиях, одновременно преодолевая ожесточенное сопротивление прежних элит, крепко державшихся за привилегии. Причем если в прежние годы широкие слои общества наблюдали за борьбой правительства и аристократической оппозиции в основном со стороны, то во второй половине 1780-х, когда ухудшение условий жизни из-за экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности людей, ранее безразличных к политике, ситуация резко изменилась в худшую для властей сторону. Экономический спад обострил социальное недовольство низов и сделал их весьма восприимчивыми к демагогическим лозунгам антиправительственной оппозиции. Напротив, правительство, пытавшееся проводить преобразования, не пользовалось в обществе ни авторитетом, ни доверием, а слабый и нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожай, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти — все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот *социальный резонанс*, который и привел к краху Старого порядка. Впрочем, для того чтобы кризис превратился в революцию, ведущую к смене правящих элит, нужна была та самая новая элита, которая могла бы заменить прежние.

ПРОСВЕЩЕННАЯ ЭЛИТА

Долгое время в апологетической историографии Революции доминировала точка зрения, согласно которой революционное движение против монархии Старого порядка возглавляла предпринимательская буржуазия, якобы стремившаяся отстранить дворянство от власти. Однако проведенные во второй половине XX века исследования по социальной и экономической истории показали, что лица, занимавшиеся во Франции XVIII века капиталистическим предпринимательством, не представляли собой сколько-нибудь целостной социальной группы с общими и тем более осознанными интересами. Различными видами предпринимательства занимался тогда широкий круг людей из самых разных сословий. Выше уже отмечалось, что в металлургической промышленности доминировал дворянский капитал, да и духовенство контролировало там довольно существенный сектор. Дворяне активно участвовали также в трансатлантической торговле и финансовых операциях. С другой стороны, те представители третьего сословия, кто достигал в предпринимательстве определенного успеха, старались конвертировать заработанные деньги в дворянский титул, приобретая земельные владения или должности, дающие на него право.

Учитывая подобную пестроту социального состава французских предпринимателей, не трудно понять, почему в ходе Революции они не продемонстрировали сколько-нибудь единой, более или менее четкой политической позиции. Представителей предпринимательской буржуазии можно было встретить как среди сторонников революционных преобразований, так и среди их противников, хотя ни в том ни в другом случае они не играли первых ролей. Владельцу капитала высовываться ни к чему. Если какая-либо социальная группа и может претендовать на звание лидера Революции, то уж явно не предприниматели, идеологически крайне разрозненные и политически весьма пассивные.

Новейшие исследования социокультурной истории XVIII века показывают, что общим знаменателем, позволяющим рассматривать лидеров революционного движения в качестве некой единой

группы, выступал не их экономический или социальный статус, а единство идейных установок — приверженность принципам философии Просвещения. Соответственно в современной исторической литературе их и обозначают термином «просвещенная элита».

Это внесловное и политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII века, когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений — естественно-научных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т. п., имевших целью распространение культурных ценностей Просвещения. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений, эти ассоциации имели внесловный характер и демократическую организацию. В них участвовали и дворяне, и священнослужители, и чиновники, и представители образованной верхушки третьего сословия. Должностные лица таких обществ, как правило, избирались голосованием на конкурсной основе. Просветительские ассоциации разных городов поддерживали друг с другом интенсивную связь посредством переписки, образуя тем самым единую социальную сеть. В этой социокультурной среде и сформировалась просвещенная элита — сообщество представителей всех сословий, объединенных приверженностью идеологии Просвещения, включая принципы народного суверенитета, прав человека, веротерпимости и т. д.

Просвещенная элита с осени 1788 года и стала основной движущей силой общенационального движения во Франции за решительные изменения в общественном и государственном строе. Перехватив у правительства инициативу в осуществлении преобразований, она придала им такой размах и радикализм, при которых конечной целью перемен становилось уже не обновление Старого порядка, а его полная ликвидация и замена Новым.

ПРЕДРЕВОЛЮЦИЯ

ПОПЫТКА КАЛОННА

Франция втягивалась в Революцию постепенно. Бурным событиям 1789 года предшествовали три года упорных попыток монархии сломить сопротивление привилегированных сословий и провести реформы, необходимые для преодоления финансового кризиса. В историографии этот период определяется как Предреволюция. Некоторые же исследователи и вовсе включают его в рамки самой Революции, называя «революцией аристократии». Да-да, именно аристократия, светская и духовная, начала раскачивать политическую ситуацию в своих сугубо корыстных целях и делала это до тех пор, пока в поток антиправительственного движения не включились другие слои населения — и он не смыл ее саму.

Точкой отсчета тут можно считать август 1786 года, когда возглавлявший правительство Шарль-Александр де Калонн ознакомил короля с планом реформы, предполагавшей распространение поземельного налога на привилегированные сословия. Потомственный дворянин мантии, Калонн прекрасно проявил себя на различных административных постах, благодаря чему и получил в 1783 году должность генерального контролера финансов — высшую в министерской иерархии того времени. Первое время он, стараясь не раздражать короля, шел по протоптанной Неккером дорожке и покрывал дефицит финансов за счет государственных займов. Людовик XVI, вялый, апатичный и тяготившийся любыми

Шарль-Александр де Калонн. Эстамп с портрета кисти Э. Вижэ-Лебрён

мало-мальски конфликтными ситуациями, опасался резких действий после того, как в 1774–1776 годах финансовые реформы его министра Тюрго вызвали активное сопротивление аристократии с Парижским парламентом во главе. Однако зияющая дыра в бюджете вынуждала Калонна идти на решительные шаги, даже рискуя навлечь на себя ненависть привилегированных сословий.

Калонн предложил Людовику XVI ввести вместо *двадцатины* бессловный и бессрочный поземельный налог. Согласно его замыслу, со всех возделываемых земель, независимо от статуса их владельцев, следовало ежегодно взимать в пользу государства от 2 до 5% урожая в натуральной форме: с более плодородных больше, с менее плодородных меньше. Чтобы подсластить эту пилюлю дворянам, их освобождали от подушного налога.

Разумеется, не было и речи о том, чтобы провести подобный закон через Парижский парламент и 12 местных парламентов, а без регистрации в них ни один нормативный акт, как мы помним, не мог вступить в действие. Однако в богатой правовой практике Старого порядка Калонн нашел способ обойтись без их одобрения. Он посоветовал королю созвать собрание нотаблей, то есть

наиболее влиятельных лиц из всех трех сословий. Этот государственный институт являл собой уменьшенное подобие Генеральных штатов — высшего органа сословного представительства в период Средних веков и раннего Нового времени. Однако, в отличие от избираемых депутатов Генеральных штатов, члены собрания нотаблей назначались королем, что теоретически должно было бы сделать их более сговорчивыми. Правда, исторический опыт показывал: когда речь заходит о необходимости поступиться собственной выгодой, воспротивиться могут даже назначенные королем лица. В 1627 году собрание нотаблей не захотело принять план финансовой реформы, внесенный всемогущим кардиналом Ришелье, и с тех пор больше не созывалось. Но выбор у Калонна был невелик: либо продирается сквозь процедурные тернии парламентской регистрации, либо попытаться обеспечить максимально лояльный состав собрания нотаблей и договориваться уже с ними.

Отбор нотаблей велся тщательно. Однако, поскольку в такое собрание традиционно привлекали наиболее богатых и влиятельных людей каждого из трех сословий, туда вошли как раз те, кому предстояло больше остальных пострадать от ликвидации налоговых привилегий. От первого сословия пригласили высших иерархов церкви, от второго — членов наиболее родовитых фамилий, от третьего — верхушку судейской аристократии. Неудивительно, что открывшееся 22 февраля 1787 года в Версале собрание нотаблей встретило план Калонна в штыки. Правда, времена по сравнению с периодом реформы Машо д'Арнувиля изменились, и открыто защищать привилегии теперь уже никто не решался, учитывая негативное отношение к ним общественного мнения. Не оспаривая сам принцип фискального равенства, участники собрания возражали против нового налога из-за того, что его предлагалось взимать в натуральной форме. А еще они требовали финансового отчета правительства и созыва Генеральных штатов.

День шел за днем, а нотабли, вместо того чтобы утвердить реформу, для чего их, собственно, и собрали, проводили время в непрестанных спорах друг с другом и с правительством. Чтобы преодолеть столь откровенный саботаж, Калонн решил заручиться поддержкой общественного мнения, напрямую обратившись

к населению. 30 марта королевская типография напечатала отдельной брошюрой его план реформ с комментарием, в котором говорилось о необходимости покончить с фискальными привилегиями, дабы облегчить налоговое бремя народа. Текст подлежал всенародному оглашению принятым тогда способом: приходские кюре во всех церквях Франции должны были зачитать его после проповеди.

Действия Калонна вызвали взрыв возмущения нотаблей. Вынося внутренний раздор в верхах на суд широкой общественности, министр нарушил устоявшийся порядок взаимоотношений между правительством и аристократией, все конфликты между которыми традиционно считались своего рода «семейными ссорами» и решались в узком кругу избранных. Даже популярный среди просвещенной элиты маркиз Лафайет, ранее воевавший добровольцем на стороне американских колонистов против англичан, осудил действия Калонна как подстрекательство. Под давлением придворных кругов Людовик XVI счел за благо отправить 8 апреля 1787 года Калонна в отставку.

ПОПЫТКА ЛОМЕНИ ДЕ БРИЕННА

Вместо Калонна король поставил во главе правительства одного из главных его критиков — председателя собрания нотаблей, архиепископа Тулузы Этьена Шарля де Ломени де Бриенна. Выходец из старинного дворянского рода, Ломени де Бриенн избрал в юности духовную карьеру и теперь, в свои шестьдесят лет, принадлежал к числу высших иерархов католической церкви Франции. Это, впрочем, ничуть не мешало ему дружить с философами Просвещения и быть сторонником веротерпимости. Не принимая предложенный Калонном план преобразований, Ломени де Бриенн тем не менее прекрасно понимал, что фискальная система государства нуждается в серьезной модернизации. Отказавшись от идеи натурального налога, вызывавшей наибольшую критику, он предложил собранию нотаблей одобрить всесословный поземельный налог в денежной форме. Нотабли новый налог